

На правах рукописи

Каширина Мария Валерьевна

**Фальсеоинтеракции в системе высшего профессионального
образования: социологический анализ**

Специальность 22.00.04 –

Социальная структура, социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре менеджмента и социологии
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Ибрагимов Радий Назибович

Официальные оппоненты: Ладыжец Наталья Сергеевна, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», заведующая кафедрой социологии факультета социологии и философии.

Каташинских Варвара Сергеевна, кандидат социологических наук, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства.

Ведущая организация: ФГБУН Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск.

Защита состоится «30» сентября 2015 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.17 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, в зале заседаний диссертационного совета (комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор социологических наук, доцент

Н.Л. Антонова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Интеракция, как регулярный, устойчивый взаимообмен акторов социальными действиями, является главным, приоритетным предметом социологического анализа. Но в исследованиях социальных взаимодействий, проводившихся в последнее время, заметный акцент ставится на формальной стороне дела – кто, кому, как передает информацию и как избежать искажения этой информации в процессе коммуникации. Поэтому, как правило, в структуре социального взаимодействия выделяют: акторов как «адресатов» и «адресантов» информации и действий; проводников социального обмена и сами акты (действия)¹. Смыслосодержательное наполнение взаимодействий часто остается за пределами исследовательского внимания.

Содержание высказываний и действий акторов, их информационный обмен в процессе социального взаимодействия часто по умолчанию и «постаринке» понимается как циркулирование истины: если нет предварительного предупреждения об обратном, то фраза из монографии или газетной статьи как бы сама собой является истиной.

Однако противоречивость ситуации состоит в том, что столь же естественно мы воспринимаем изобилие лжи, обмана, фальсификаций, имитаций, лукавства в информационной среде, где мы вынуждены осуществлять социальную ориентацию. Ложь обильна и разнообразна, полиморфна и многоаспектна: «болезней – тысячи, а здоровье – одно». Современный человек при каждом новом социальном контакте вынужден лавировать между двумя взаимоисключающими установками-презумпциями: «всякое высказывание правдиво, пока не доказано обратное» (назовем его презумпцией доверия) и «всякое высказывание – обман, пока не доказано обратное» (это, соответственно, презумпция недоверия).

В любом случае, неоспорим факт, что всякий информационный контакт – амбивалентен: он может содержать как истину, так и ложь. В последнее время в научной литературе все чаще и чаще появляются статьи, посвященные изучению проблемы распространения лжи. Чаще всего ложь рассматривается с точки зрения логики, психологии, философии, культурологии, этики или даже медицины. Уже само обилие аспектов свидетельствует, насколько многогранной является исследуемая проблема.

В данной работе ложь представлена как категория *социологическая*, а именно – как *особый способ установления и формирования социальных связей и отношений*. Современные исследования показывают, что в

---

¹ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука. 1994. С. 23-28.

последнее время меняется отношение людей ко лжи, они чаще встречают ложь и чаще лгут сами¹. Ложь не просто перестает быть антиценностью, но и становится одной из инструментальных ценностей, облегчающих достижение желаемой цели. Умение убедительно лгать – это, например, особо поощряемая профессиональная компетентность в целом ряде занятий и профессий.

Такие изменения в системе ценностей не только способствуют распространению лжи в социальных взаимодействиях, но и ведут к обособленному разряду фальсеоконтактов – распространению случаев добровольного согласия быть обманутым в процессе коммуникации, иными словами – к распространению фальсеоинтеракций.

Под понятием «фальсеоинтеракция» мы понимаем такое социальное взаимодействие, в основании которого лежат осознанность лжи обеими сторонами коммуникации и одновременное добровольное принятие (или имитация принятия) этой лжи за истину.

Актуальность социологического анализа фальсеоинтеракций в системе высшего профессионального образования обусловлена наличием двух основных противоречий.

Во-первых, противоречие критериев эффективности системы образования. Критерием качества деятельности вуза в современной системе образования считается количество выпускников данного университета. Однако отсутствие или минимальное значение отчисленных студентов за период обучения отнюдь не свидетельствует о том, что каждый из выпускников – компетентный специалист. Это свидетельствует лишь о том, что преподавателями, кураторами и администрацией института были предприняты попытки по «сохранению контингента» студентов.

Во-вторых, противоречие декларативных и реальных целей функционирования элементов современной системы ВПО. В современных условиях, сложившихся в системе ВПО, преподаватель уже вынужден думать не только (и порой не столько) о передаче своих знаний учащимся и отборе тех, кто не достоин получения диплома о высшем образовании, а о сохранении численности студентов. Сохранение в перечне оценок пункта «неудовлетворительно» означает сохранение функции фильтра, а отсутствие стимулирования преподавателя, снижение рейтинга вуза означает угнетение этой функции, что порождает когнитивный диссонанс у преподавателя и аксиологическую инверсию (ценностное перерождение) всей системы.

---

¹ Россияне стали больше врать, изменять и укрывать налоги – Опрос Левада-Центр / Газета «Мой район». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mr7.ru/articles/88324/>.

Спектр распространения таких фальсеологических взаимодействий достаточно широк – от личной жизни отдельного индивида до функционирования государственных и надгосударственных структур.

Институт образования на фоне прочих социальных институтов – это, преимущественно, ретранслятор культуры, главная социализирующая инстанция в цивилизованном обществе; и, если условия функционирования современного вуза сами располагают к возникновению и распространению фальсеоинтеракций в коммуникативной сети системы образования, логично предположить устойчивость и распространенность такой формы взаимодействий в повседневной социальной жизни. Поэтому в данном исследовании предпринята попытка выявления особенностей фальсеоинтеракций и факторов, способствующих их распространению в сфере высшего профессионального образования.

Современная система высшего профессионального образования функционирует под воздействием множества внутренних и внешних по отношению к ней факторов: политических, экономических, социокультурных, ведомственных, управленческих и т.д. Эти факторы непосредственно или опосредованно способствуют возникновению, закреплению и распространению фальсеоинтеракций в системе высшего профессионального образования. Выявление и анализ степени влияния данных факторов на студентов и преподавателей как субъектов фальсеоинтеракций требуют специальных исследований.

Распространенность фальсеоинтеракций представляет собой объективную макросоциальную проблему независимо от того, устраивает это индивидуальных или групповых участников. Ложь, даже если она полезна, имеет объективные пределы распространения – просто потому, что вообще не существует ничего абсолютного и всеохватывающего. Даже если отталкиваться от системы координат «устраивает – не устраивает», даже если считать, что вовлеченность в фальсеоинтеракцию – это «всего лишь» способ социализации, то этот способ остается не артикулированным и поэтому не определенным в уровне конфликтности: в какой степени ложь и её добровольное или вынужденное принятие (или имитация принятия) в системе социальных отношений – явление конструктивное, и каков предел, по достижении которого фальсеоинтеракции оказывают деструктивный и дестабилизирующий эффект.

Следуя традициям классиков социологии, опираясь на основные положения их теорий, в данной работе мы представим анализ фальсеологической интеракции как частного случая социальных взаимодействий.

Степень научной разработанности темы исследования

Методологической базой исследования стали идеи и концепции крупнейших представителей социологической науки. Особенно значимыми являются работы М. Вебера, Дж. Хоманса, А. Шюца, в которых представлен

анализ смылосодержательной стороны социальных взаимодействий, раскрыты мотивы, установки действующих субъектов, которые манифестируются посредством различных социокультурных форм. В этом смысле их творчество можно рассматривать в качестве дискурсивной преамбулы к проблематике лжи.

Анализ социальных взаимодействий как некой «формы», игры, изучение внешних сторон взаимодействия представлен в работах Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, Г. Зиммеля и др. Здесь наиболее отчетливо показано, как и на каком основании иллюзорное и семантическое может быть социальной действительностью.

Толкованием и эмпирическим исследованием социальных интеракций также занимались такие социологи, как Дж. Дьюи, Дж.Г. Мид, Ч. Пирс, Ф. Скиннер, Ю. Хабермас и многие другие¹. В их работах наиболее акцентировано ставится вопрос о роли утилитарных факторов, соображений эффективности, мотивов практической выгоды в социальном поведении индивидов и групп.

Среди отечественных социологов, изучающих проблемы социальных взаимодействий на уровне общей теории, следует отметить Е.Ю. Волкова, Т.И. Заславскую, Г.И. Козырева, В.П. Култыгина, В.Г. Осипова, Г.А. Пруденского, Р.В. Рывкину, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядова и др.².

Роль и значение лжи в социальных взаимодействиях – это проблема, которая встала перед наукой не впервые. С давних времен мыслители обращали свое внимание на феномен лжи и почти всегда наряду с логическим и психологическим уровнями проблемы обнаруживали особый ее пласт – социальный. Это отчетливо видно в творениях классиков Афинской школы – Сократа, Платона («Софист», «Алкивиад I»), Аристотель («Никомахова этика»).

Принципы современного теоретического анализа феномена лжи заложили в своё время классики социально-философской мысли – Аврелий Августин, Григорий Богослов; продолжили Вольтер, Х. Вольф, И. Кант, И.Г. Фихте, А. Шопенгауэр; из отечественных ученых – А.А. Гусейнов, А.Г. Мясников и др. И везде возникает мотив социальной значимости проблемы «лжи и истины».

---

¹ См., например: Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. /Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдов; Предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990; Мид Дж. Г. От жеста к символу / Американская социологическая мысль: Тексты /Под. ред. В.И. Добренькова. М.: Изд. Международного ун-та Бизнеса и Управления, 1996; Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. №2. 2001.

² См., например: Коган Л.Н. Теория культуры: учебное пособие. – Екатеринбург: УрГУ, 1993; Козырев Г. И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль [Электронный ресурс] // Социс. 2005. №8. URL: <http://www.isras.ru/socis>; Култыгин В.П. Концепция социального обмена в современной социологии// Социс. № 5.1997.

Проблема лжи как основания социального взаимодействия с точки зрения социологии обособленно и специализированно почти не исследовалась. В диссертациях на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, защищенных в последние 10 лет, ложь, как правило, представлена как философская, психологическая или же филологическая категория.

Поэтому особое значение имеет концепция Ю.А. Левады, изложенная в программном очерке «Проблема человека», в которой наиболее концептуально и акцентированно представлена ложь как социокультурный феномен, свойственный социальному типу «человек лукавый», его детерминация и принципы воспроизводства. Концепция Ю.А. Левады обладает значительным потенциалом, который ещё долго не будет эмпирически исчерпан. В частности, с тех пор значительно изменился политический, экономический, социокультурный фон социальной жизни в России. Также нуждается в уточнении вопрос об особенностях проявления «лукавства» в отдельных сферах общественной жизни.

Кроме того, в исследовании мотивов лжи, ценности истины и лжи, социальных установок на создание лжи и принятие (или имитацию принятия) лжи особое значение имеют исследования Ю.Р. Вишневого, В.В. Знакова, Н.И. Лапина, В.Т. Шапка, П. Экмана и др.

Ложь, обман как социальное явление можно изучать не только «напрямую», но и «от противного», как антоним и разрушитель доверия. Здесь значимой фигурой в исследовании обмана доверия является Ф. Фукуяма.

Эталонными исследованиями системы высшего профессионального образования как социального института, которым ограничено поле нашего исследования, автор считает работы Р. Мертона, Т. Парсонса, П. Сорокина, в которых были заложены фундаментальные инструменты анализа – такие, как диспозиции «функция / дисфункция», «норма / девиация» и др.

В том же направлении работали и работают многие отечественные социологи. Так, анализом эффективности функционирования института образования в России занимались Е.С. Баразгова, К.Г. Барбакова, Г.Е. Зборовский, Л.И. Денисенко и др. Особенности функций и задач вуза в рамках нового – компетентностного – подхода исследовались такими учеными, как Р.С. Генардукаева, С.Г. Ермолаева, Т.К. Коваленко, А.П. Коробейникова, О.Б. Пирожкова, А.А. Чертенко и др.

Проблемы особенностей социального взаимодействия в сфере образования представлены в работах отечественных ученых А.М. Аблажея, В.Л. Бенина, Д.Л. Константиновского, А.В. Меренкова, Л.Л. Штудена, которые рассматривали особенности социального взаимодействия между различными субъектами взаимодействия на разных уровнях системы образования. Наиболее значимыми работами, посвященными исследованию ценностных ориентаций и установок современных студентов как субъектов

взаимодействий, являются работы представителей Уральской социологической школы – Г.Е. Зборовского, Л.Н. Когана, Г.Б. Кораблевой и др.¹

Анализ указанных работ показывает, что проблема лжи как содержания социального взаимодействия является достаточно дискуссионной и многоаспектной. Возникновение, функционирование и распространение фальсеоинтеракций как особого случая обоюдной лжи, тем более – в новых, изменившихся условиях, в сфере высшего профессионального образования – требует системных социологических исследований.

Это подтверждает необходимость выявления и анализа системы факторов, способствующих генезису, функционированию и закреплению фальсеоинтеракций в системе высшего профессионального образования.

Объект диссертационного исследования: фальсеоинтеракция как форма социального взаимодействия.

Предмет диссертационного исследования: фальсеоинтеракции в современной системе высшего профессионального образования.

Целью работы является выявление системы факторов, способствующих генезису фальсеоинтеракций в современной системе высшего профессионального образования.

Задачи, которые необходимо решить для достижения поставленной цели:

- 1) раскрыть содержание концепта «фальсеоинтеракция», представить логико- и историко-теоретические основания его выделения;
- 2) выявить социокультурную природу и особенности проявления фальсеоинтеракции как формы социального взаимодействия в различных сферах общественной жизни;
- 3) представить анализ элементов системы высшего профессионального образования как субъектов фальсеоинтеракций;
- 4) представить анализ системы факторов, способствующих возникновению фальсеоинтеракций в высшем учебном заведении;
- 5) представить социологический анализ фальсеоинтеракции преподавателей и студентов как основных субъектов образовательного процесса в высшем учебном заведении.

Теоретико-методологическая база настоящего исследования формировалась исходя из содержания и последовательности поставленных задач. При построении теоретической базы исследования учитывались: 1) необходимость критического анализа и отбора концептуальных моделей, прямо или косвенно использующих имитацию или ложь в

---

¹ См., например: Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки/ Под общей ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009; Коган Л.Н. Социология культуры и социология образования / Социология культуры: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУ, 1992.

функционировании социальных институтов; 2) потребность в уточнении методологической специфики исследования интеракций в целом и ложных взаимодействий, в частности; 3) необходимость в нормативно-документальном обеспечении исследования.

Основными теоретико-методологическими направлениями, в основе изучения которых лежат социальные взаимодействия и отношения людей, являются теории социального обмена, символический интеракционизм, понимающая социология, феноменология, этнометодология, отчасти, применительно к нашему тематическому направлению, прагматизм, теория речевых актов и т.д.

Определяющими при исследовании фальсеоинтеракций стали теория социального обмена Дж. Хоманса и теория символического интеракционизма Дж.Г. Мида, которые позволили раскрыть особенности фальсеоинтеракций в качестве одной из форм социального взаимодействия.

Концептуальная модель эмпирического исследования опирается на качественно-количественную стратегию. В работе использованы опросные методы: анкетный опрос студентов и полуформализованное интервью с преподавателями; а также традиционный анализ документов.

Эмпирическую базу исследований составили материалы социологических исследований, проведенных автором в 2011–2014 гг. в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан, республика Хакасия), Томском государственном университете (г. Томск) и в Сибирском государственном университете телекоммуникаций и информатики (г. Новосибирск).

В исследовании использовались количественная и качественная методологии. В рамках количественного исследования был проведен анкетный опрос студентов. Использовалась случайная двухступенчатая выборка, выборочная совокупность составила 668 человек (студентов). В качественном исследовании было проведено 79 полуформализованных интервью с преподавателями вуза. Методом традиционного анализа документов было проанализировано 11 нормативно-правовых актов, регламентирующих отдельные элементы деятельности вуза.

Научная новизна исследования заключается в выявлении системы факторов, способствующих генезису фальсеоинтеракций в современной системе высшего профессионального образования. Наиболее существенные научные результаты, полученные автором лично и содержащие новизну, заключаются в следующем:

- дана авторская трактовка понятия «фальсеоинтеракция» как особой формы социального взаимодействия, заключающейся в осознанности, конвенциональности лжи обеими сторонами коммуникации в процессе добровольного принятия или имитации принятия этой лжи за истину;
- обоснованно, что субъекты фальсеоинтеракции усматривают ложь в двух парадигмах: конфликтологической (как деструктивное социальное явление) и

парадигме солидарности (как явление необходимое, поддерживающее социальную систему в состоянии баланса, равновесия). Сценарии развития фальсеовзаимодействия находятся в прямой зависимости от оценки лжи рефлекслирующими субъектами;

- доказано, что основные процедуры образовательного процесса системы современного высшего профессионального образования имеют фальсеологический характер, способствуя воспроизводству всех социокультурных типов фальсеокоммуникативного поведения, а именно: депроблематизаторы инверсионного и деформационного типа, а также проблематизаторы;

- определены основные мотивы создания лжи, принятия / имитации принятия лжи, отношение к фальсеоинтеракциям и установки на вступление в фальсеоинтеракции в будущем основных субъектов образовательного процесса: студентов и преподавателей. Основными мотивами студенческой лжи является стремление получить положительную оценку и избежать пересдач. Основными мотивами вступления в фальсеоинтеракцию для преподавателя служат стремление избежать конфликта с непосредственным руководством, сэкономить свои усилия и время, а также желание действовать в интересах студента;

- выявлены факторы, способствующие возникновению, функционированию и закреплению фальсеоинтеракций в современной системе высшего профессионального образования: социокультурные, ведомственные, управленческие, экономические, социально-психологические.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования
Теоретическая значимость заключается в детализации концепта фальсеоинтеракции как особого локуса научного социологического дискурса о формах социальных взаимодействий. В работе выявлены и показаны социокультурная детерминация генезиса фальсеоинтеракций, механизм их развития и функционирования на разных уровнях социальной системы (на примере системы образования).

Также теоретически значимыми являются данные, полученные в результате исследования, которые показывают, насколько фальсеоинтеракции распространены в системе образования. Современные условия функционирования высшего учебного заведения сами конституируют фальсеоинтеракции на разных уровнях коммуникативной цепи. Фальсеоинтеракции выступают эффективным социальным взаимодействием, в результате которого обе стороны коммуникации достигают желаемого результата с минимальными затратами. Таким образом, в исследовании осуществлена адаптация теорий социального обмена, стигматизации символического интеракционизма к изучению фальсеоинтеракций.

Практическая значимость исследования отражается в применимости его теоретических положений и практических результатов для управления

системой образования на различных уровнях. Кроме того, она отражается в возможности использовать результаты исследования в образовательном процессе. Наиболее органично, на наш взгляд, результаты исследования инсталлируются в такие учебные курсы, как «Социология культуры», «Социология образования», «Социология духовной жизни», «Социология личности», «Социология конфликта». Чрезвычайно полезным представляется также использование наших данных, интерпретаций и схем за пределами дисциплинарного поля социологии – в филологических, философских, юридических и прочих дисциплинах.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты работы обсуждены на методологических семинарах кафедры социологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Результаты проведенных исследований были использованы для разработки учебных курсов по социологии образования, социологии культуры, социологии коммуникаций, социологии личности и социологии конфликта. Результаты исследования также были учтены преподавателями университета при разработке методических рекомендаций студентам, планов лекционных и семинарских занятий и составлении вопросов к экзаменам и зачетам. Материалы исследования также отражены в различных публикациях, а также в очных докладах на конференциях всероссийского и международного уровня, круглых столах и семинарах, в том числе: на Всероссийской научно-практической конференции: «Актуальные проблемы социальных наук» (Томск, 2011 г.); в Летней научной школе «Теория и практика социально-гуманитарных наук» (о. Беле, 2011 г.); на Международной научно-практической конференции «Наука и общество: взгляд молодых исследователей» (Абакан, 2012 г.); на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (Новосибирск, 2013 г.); на Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г.); на XVI Международной научной школе-конференции студентов и молодых ученых «Экология Южной Сибири и сопредельных территорий» (Абакан, 2013 г.).

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, и заключения. К работе прилагается библиографический список, включающий 137 наименований, и приложение. Содержание работы изложено на 148 страницах.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность, раскрывается степень разработанности темы диссертации, приводятся теоретико-методологические основания, формулируются цели, задачи, определяется объект и предмет исследования, обосновывается научная новизна, излагается эмпирическая база, а также объясняется практическая значимость работы и апробация полученных результатов.

В первой главе **«Теоретико-методологические основания исследования фальсеоинтеракций»** рассматриваются теоретико-методологические основания изучения фальсеоинтеракций, проводится социологический анализ фальсеоинтеракции как особой формы социального взаимодействия, раскрываются особенность и сущность фальсеоинтеракции, а также выявляется соотношение понятия «фальсеоинтеракция» со смежными понятиями социологической теории.

В параграфе **1.1. «Фальсеоинтеракция как форма социального взаимодействия и предмет социологического анализа»** проведен социологический анализ фальсеоинтеракции как формы социального взаимодействия, рассмотрено понятие «ложь» как форма социального взаимодействия, заключающая в намеренном искажении действительности ради достижения желаемой цели или во избежание нежелательных последствий. Представлено понимание лжи как социокультурного феномена в рамках двух парадигм: парадигмы солидарности и конфликта.

В параграфе обосновывается необходимость введения понятия «фальсеоинтеракция», раскрывается его сущность. Фальсеоинтеракция – это особая форма взаимодействия, при которой оба актора знают о лжи, но, в силу того, что она выгодна обоим участникам взаимодействия, согласны ей «верить». Особенность фальсеоинтеракции (в отличие от простого обмана, ложного взаимодействия) заключается в осознанности лжи обеими сторонами взаимодействия, принятие этой лжи за «правило игры», негласное согласие на ложь обоими акторами – т.н. фальсеоконвенция.

Обоснование необходимости лжи приводит к её депроблематизации (т.е. снятию проблемы, обоснованию «нормальности» лжи), и, следовательно, к её распространению. Именно при фальсеологическом взаимодействии ложь депроблематизируется обоими акторами.

Важнейшим компонентом социального взаимодействия является предсказуемость взаимных ожиданий или, иначе говоря, *взаимопонимание между акторами*. В случае с фальсеоинтеракцией в качестве взаимных ожиданий выступает как раз ложь. Иными словами, «лжец» знает, что тот, кому он лжет, знает об этой лжи; но ожидает, что «адресат лжи» не станет об этом говорить. Взаимно, «адресат лжи» знает, что «лжец» знает, что он

(«адресат») знает, что ему лгут и добровольно принимает эти «правила» фальсеоинтеракции.

В зависимости от степени депроблематизации, мотивов и причин вступления в фальсеоинтеракции нами выделены три основных типа фальсеокоммуникантов: «депроблематизаторы инверсионного типа», «депроблематизаторы деформационного типа» и «проблематизаторы». Типами фальсеокоммуникативного поведения в чистом виде являются первые два. «Депроблематизаторы деформационного типа», в свою очередь, диссоциируются еще на три сценарных подтипа, в зависимости от тактики депроблематизации: социальный, административный и прагматичный.

1. Инверсионные депроблематизаторы: актер вступает в фальсеоинтеракцию добровольно, с целью получения выгоды. Для представителей данного типа характерно положительное отношение ко лжи и снижение значимости честности в личностной системе ценностей, т.е. аксиологическая инверсия.

2. Деформационные депроблематизаторы административно-вынужденного типа характеризуются тем, что актер вступает в фальсеоинтеракцию вынуждено, по объективным причинам и под давлением определённых внешних факторов, и тем самым стремится избежать конфликта.

3. Деформационные депроблематизаторы прагматичного типа: для фальсеоактера ложь – это рациональное средство минимизации затрат при достижении максимально возможного результата. Мотивом лгания или принятия лжи служит экономия времени и сил.

4. Депроблематизаторы социального типа характеризуются тем, что вступление актера в фальсеоинтеракцию обусловлено социальными причинами – основным мотивом является альтруизм, «ложь во благо другого» или же подражание, действие по социальным правилам и нормам в конкретной ситуации.

5. Проблематизаторы – этот тип поведения не является типом фальсеокоммуникативного поведения в чистом виде. Представители данного типа – это идеалисты, которые, напротив, отказываются лгать сами и принимать ложь. Мотивами такого поведения может быть защита чести и достоинства, своей репутации и т.д.

В социологической теории уже существует ряд смежных понятий с понятием «фальсеоинтеракция», например, ритуал, симулякр, имитационное взаимодействие. Но, несмотря на кажущуюся тождественность данных понятий, термин «фальсеоинтеракция» отражает особую, малоизученную форму социального взаимодействия. «Фальсеоинтеракция» – это фрагмент социального пространства с особыми, по сравнению с окружающей действительностью или с эталонами, правилами игры, понимаемыми, принимаемыми всеми актерами.

В параграфе 1.2. «Специфика и факторы генезиса фальсеоинтеракций в современной системе высшего образования» обосновывается вывод о том, что современные условия функционирования системы высшего профессионального образования являются потенциальной сферой возникновения фальсеоинтеракций, а также выявляются особенности фальсеоинтеракции в вузе.

На основе анализа документов, регламентирующих отдельные виды деятельности вуза, доказывается, что современная система высшего профессионального образования является благоприятной сферой для возникновения фальсеоинтеракций.

Следует ли считать фальсеоинтеракции в системе образования дисфункцией данного социального института – вопрос спорный. С одной стороны, очевидно, что фальсеоинтеракции эффективны лишь с точки зрения тактики, но не с точки зрения стратегии развития высшего образования. Потому негативные последствия распространения фальсеоинтеракций представляются более явными. В этом смысле, общество имеет дело с *дисфункцией социального института образования*. Однако, несмотря на устойчивое производство искушенных фальсеокоммуникантов, на распространение и закрепление фальсеологических взаимодействий в сфере ВПО, система образования продолжает устойчиво функционировать. Ложь как социокультурное явление укореняется, закрепляется и ритуализируется в социальных практиках.

Так, в современном обществе ложь не является безусловным и однозначным проявлением дисфункции системы. Напротив, успешное функционирование фальсеоинтеракций в системе – показатель социальной солидарности в обществе и успешного функционирования всей социальной системы.

По мнению Л.Н. Когана, одним из факторов эффективности системы образования является оптимальность взаимодействия всех элементов системы образования¹. Этот фактор представляет для нас особый интерес.

Рассмотрение системы высшего профессионального образования как коммуникативной сети предполагает выделение следующих элементов: административный корпус, профессорско-преподавательский корпус, студенческий корпус, учебно-вспомогательный корпус. Для успешного функционирования системы образования между всеми этими субъектами должны быть установлены четкие коммуникативные связи.

Взаимодействие между отдельными субъектами высшего образования определяется множеством факторов, которые можно объединить в пять основных групп: социально-психологические, политические, экономические, управленческие, информационно-технические, ведомственные,

---

¹ Коган. Социология культуры и социология образования / Социология культуры: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУ, 1992. – С. 34.

социокультурные. Выявлено, что данные факторы в той или иной степени способствуют закреплению и распространению фальсеоинтеракций в системе высшего профессионального образования.

Во второй главе **«Субъекты фальсеоинтеракций в системе высшего профессионального образования: эмпирический анализ»** представлен анализ основных взаимодействующих субъектов в системе высшего профессионального образования.

На основе эмпирических данных серии исследований, выявлено количественное соотношение представителей разных типов фальсеокоммуникативного поведения в вузе.

В параграфе **2.1. «Студенчество как субъект фальсеоинтеракций»** представлен анализ студентов как субъекта фальсеологических взаимодействий.

Потребность студентов во лжи обусловлена рядом субъективных причин: представление студентов о том, что они не способны понять и выучить материал или им не представляется возможным сдать экзамен самостоятельно, честно. Среди объективных причин, вынуждающих студентов списывать, обманывать преподавателей, студенты называют слишком большой объем материала, сложность дисциплины, недостаточность количества времени, отведенного на подготовку к экзамену.

Внешними факторами, детерминирующими генезис фальсеоинтеракций, являются социокультурные факторы, а именно: снижение престижа высшего образования, смещение акцента значимости с высшего образования на диплом о высшем образовании, а также изменение в системе ценностей студенческой молодежи; превратно понимаемые студенческие традиции; следование образцам поведения современной массовой культуры. На основании проведенного исследования нами было выделено несколько типов студентов по качеству и степени депроблематизации и завершенности ценностных изменений: от аксиологических деформаций до полной ценностной инверсии.

Также немаловажное влияние оказывают информационно-технические факторы: развитие и увеличение доступности современной техники, в том числе и мобильного Интернета, способствовало совершенствованию системы списывания студентов. Теперь они пользуются Интернетом не только на экзаменах или при подготовке семинарских занятий, но и для «скачивания» рефератов, курсовых и иных студенческих работ.

Опосредованное влияние оказывают управленческие факторы, поскольку студенты имеют представление о том, что Федеральное Интернет-тестирование есть важная процедура, которая является контрольной не столько для них, сколько для университета в целом.

Таким образом, среди студентов отчетливо образовались следующие типы фальсеокоммуникативного поведения: инверсионные депроблематизаторы (основная причина вступления в фальсеоинтеракции –

лень, нежелание учить; основные факторы, оказывающие влияние – социокультурные, психологические; считают фальсеоинтеракции явлением нормальным и естественным) – 19-20%; деформационные депроблематизаторы прагматичного типа (вступают в фальсеоинтеракции ради минимизации трудозатрат; основные факторы – социокультурные и информационно-технические; считают, что фальсеоинтеракции позволяют сэкономить время и усилия) – 23-24%; деформационные депроблематизаторы социального типа (вступают в фальсеоинтеракции в благоприятных социальных условиях; основные факторы – социокультурные, информационно-технические, ведомственные, социально-психологические; считают, что фальсеоинтеракции явление негативное, но распространенное) – 34-35%; деформационные депроблематизаторы административно-вынужденного типа (вступают в фальсеоинтеракции в силу объективных причин; основные факторы – социокультурные, информационно-технические, ведомственные; считают, что фальсеоинтеракции стали устойчивой социальной практикой – 20-21%; проблематизаторы (никогда не вступают в фальсеоинтеракции и считают, что с ними нужно бороться) – 2-3%).

Параграф 2.2. «Преподаватели как субъект фальсеологических взаимодействий» содержит характеристику преподавателей как субъекта фальсеоинтеракций в высшем учебном заведении.

Преподавателям в большей степени, чем студентам, свойственно негативное отношение к фальсеологическим взаимодействиям в вузе. Большинство преподавателей осознают пагубность подобных процедур, однако считают это неизбежностью.

Основными мотивами добровольного принятия студенческой лжи для преподавателя являются мотивы как из группы «ложь для себя», так и из группы «ложь во благо другого». Они готовы обманываться, если это экономит их время, усилия, или если эта ложь является средством избежания конфликта с ближайшим руководством. Также мотивом вступления в фальсеоинтеракции для преподавателя может служить «ложь во благо другого» – ради сохранения репутации «отличника» или стипендии для студента и т.д.

В отличие от студентов, преподаватели, в большинстве случаев, вступают в фальсеоинтеракции *вынуждено*. Основными факторами являются ведомственные – ограничение со стороны руководства. Параметр «сохранность контингента» делает практически невозможным осуществление преподавателями селективной функции. Кроме того, непосредственное влияние оказывают социально-психологические факторы – индивидуальные для каждого преподавателя. Стоит отметить, что они могут способствовать и отказу преподавателя от вступления в фальсеоинтеракцию, например, если преподаватель принципиален.

Опосредованное влияние оказывают факторы экономические (в основном, нормативно-подушевое финансирование) и управленческие (установление результатов Федерального Интернет-тестирования как важных показателей аккредитации вуза). Преподаватели знают об изменении в финансировании вузов, об изменении показателей аккредитации, однако наибольшее влияние они испытывают именно со стороны непосредственного руководства (в частности, политика сохранения студенческого контингента и негласного ограничения или даже запрета на выставление неудовлетворительных оценок).

Так, среди преподавателей были выявлены представители следующих типов фальсеокоммуникативного поведения: деформационные депроблематизаторы прагматичного типа (основная причина вступления в фальсеоинтеракции – стремление сэкономить усилия и время; основные факторы, оказывающие влияние – ведомственные, социально-психологические; считают фальсеоинтеракции рациональным действием) – 13-15%; деформационные депроблематизаторы социального типа (основная причина вступления в фальсеоинтеракции – сочувствие студенту или просьба близкого человека; основные факторы, оказывающие влияние – социально-психологические; считают фальсеоинтеракции пагубной, но уже устоявшейся социальной практикой) – 45-50%; деформационные депроблематизаторы административно-вынужденного типа (основная причина вступления в фальсеоинтеракции – давление, ограничение руководства; основные факторы, оказывающие влияние – ведомственные; считают фальсеоинтеракции явлением пагубным, но неизбежным) – 17-20%; проблематизаторы (основная причина вступления в фальсеоинтеракции – сочувствие студенту, давление руководства; основные факторы, оказывающие влияние – социально-психологические, ведомственные; считают, что с фальсеоинтеракциями необходимо бороться) – 13-15%.

В **Заключении** делаются основные выводы по диссертационному исследованию, формулируется прогноз о потенциальном возникновении и распространении фальсеоинтеракций в системе высшего образования в будущем, и намечаются перспективы дальнейшего анализа данной проблемы.

Основные результаты работы отражены в 25 публикациях автора общим объемом 6,5 п.л.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Ибрагимов, Р. Н., Каширина (Вернер), М. В. Грех лжи: факт и объект / Р. Н. Ибрагимов, М. В. Вернер // Идеи и идеалы. – №4 (10). Т 1. – 2011. – С. 170-176. (0,62 / 0,31 п.л.).

2. Каширина (Вернер), М. В. Этнический фактор в образовательных фальсеоинтеракциях / М. В. Каширина // Исторические, политические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – №10 (36). – 2013. – Ч. II. – С. 81-84. (0,39 п.л.).

3. Каширина, М. В. Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия / М. В. Каширина // Социум и власть. – №6 (44). – 2013. – С. 11-16. (0,48 п.л.).

4. Каширина, М. В. «Фальсеоинтеракция» в свете социологических теорий / М. В. Каширина // European Social Science Journal. – № 9(3). – 2013. – С. 272-277. (0,38 п.л.).

5. Каширина (Вернер), М. В. Фальсеоинтеракция: к определению понятия / М. В. Каширина // Перспективы науки. – №1 (52). – 2014. – С. 19-21. (0,21 п.л.).

6. Каширина, М.В. ФЭПО-тестирование как фальсеологическая практика / М. В. Каширина // В мире научных открытий. – №5(2). – 2014. – С. 577-584. (0,45 п.л.).

7. Каширина, М.В. Современный российский вуз как сфера генезиса фальсеоинтеракций // Социология образования. – №10. – 2014. – С. 76-86. (0,5 п.л.).

Другие публикации:

8. Каширина (Вернер), М. В. Феномен лжи в процессах коммуникации: к постановке проблемы / М. В. Вернер // Материалы XIV Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: опыт эмпирического исследования» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. (29,6 Мб). – Ч. 4. – Екатеринбург, 2011. – С. 261 — 264. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). (0,2 п.л.).

9. Каширина (Вернер), М. В. Имитативные практики в системе высшего образования: опыт эмпирического исследования / М. В. Вернер // Наука и общество: взгляд молодых исследователей: материалы пятой научной конференции школьников и студентов с международным участием 1-2 декабря 2011 г. – Абакан: ДиалогСибирь-Абакан, 2011. – С. 136-137. (0,12 п.л.).

10. Каширина (Вернер), М. В. Имитативные практики в системе высшего образования / М. В. Вернер // Теория и практика социально-гуманитарных наук: материалы научной школы студентов, аспирантов и докторантов / отв. ред. М.Н. Чистанов. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2011. – С. 47-51. (0,25 п.л.).

11. Каширина (Вернер), М. В. Студенчество как активный фальсеокоммуникатор / М. В. Вернер // Материалы XIV Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: опыт эмпирического исследования» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые

дан. (18,3 Мб) – Ч.2. – Екатеринбург, 2012. – С.1418-1422. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). (0,3 п.л.).

12. Каширина (Вернер), М. В. Фальсеологические коммуникации в системе высшего образования / М. В. Вернер // Актуальные проблемы науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции 29 марта 2012 г.: в 7 частях. Часть 5: Минобрнауки России. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2012. – С. 29 – 30. (0,1 п.л.).

13. Каширина (Вернер), М. В. Имитация образовательного процесса как деструктивный фактор качества образования / М. В. Каширина // Материалы XVI Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: опыт эмпирического исследования [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. (23,9 Мб) – Екатеринбург, 2013. – С. 999 – 1002. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). (0,2 п.л.).

14. Каширина, М. В. ФЭПО: к вопросу о возможности внешней фальсеокоммуникации в системе высшего профессионального образования / М. В. Каширина // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2013 г.: в 34 частях. Часть 20; М-во обр. и науки РФ. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-наука-общество», 2013. – С. 60-62. (0,2 п.л.).

15. Каширина, М. В. Медиареальность: потенциал генезиса фальсеоинтеракций / М. В. Каширина // Медиа-реальность: проблема формирования новых ценностей: сборник статей / под ред. Р.Н. Ибрагимова. – Абакан: Сервисный пункт. – 2013. – С.149-152. (0,2 п.л.).

16. Каширина, М. В. Самостоятельная работа студентов как фальсеологическая процедура / М. В. Каширина // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XI Региональной научной конференции молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013 – С. 191-194. (0,16 п.л.).

17. Каширина, М. В. Фальсеокоммуникативные тактики студентов разных этнических групп (на примере ХГУ им. Н.Ф. Катанова) / М. В. Каширина // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий. Выпуск 17. В 2 т. Т. II / отв. ред. В.В. Анюшин. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2013. – С. 134-135. (0,08 п.л.).

18. Каширина, М. В. Неотрадиция, ритуал, фальсеоинтеракция: соотношение понятий / М. В. Каширина // Неотрадиционализм как социальный феномен: материалы Всероссийской летней научной школы для молодых ученых, 8-13 июля 2013. Абакан: Сервисный пункт, 2013. – С. 80-83. (0,2 п.л.).

19. Каширина (Вернер), М. В. Трансформация высшего образования как условие генезиса фальсеологических интеракций (на примере ХГУ им.

Н.Ф. Катанова) / М. В. Каширина // Региональное сообщество в условиях социальных трансформаций: сборник научных статей / под ред. Ю. М. Аксютин, Л. В. Анжигановой. – Абакан, 2013. – С. 39-46. (0,45 п.л.).

20. Каширина (Вернер), М.В. Фальсеоинтеракция как признак социального отчуждения / М. В. Каширина // Материалы XVI Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: опыт эмпирического исследования [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. (7,63 Мб). – Екатеринбург, 2014. – С. 105-111. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). (0,15 п.л.).

21. Kashirina (Verner) M.V. Interazioni falsificati. Opportunità sociologico lie studio nel paradigma della solidarietà / M.V. Kashirina // Italian Science Review: итальянский научный журнал. – 2014. – №4 (13). – PP. 8-10. – URL: <http://ias-journal.org/archive/2014/april/Kashirina.pdf> (0,22 п.л.).

22. Каширина (Вернер), М.В. Экзамен как фальсеологическая процедура / М.В. Каширина // Труды Томского государственного университета. – Серия общенаучная: Initia (Иници). Актуальные проблемы социальных наук (6-7 мая 2011 г. и 27-28 апреля 2012 г.): XIII и XIV Всероссийская конференция молодых ученых / под ред И.А. Ершовой. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – Т. 293. – С. 89-92. (0,25 п.л.).

23. Каширина, М.В. Фальсеоинтеракция как предмет социологического анализа / М.В. Каширина // Евразийский союз ученых (ЕСУ). – 2014. – №4. – Ч. 13. – С. 110-112. (0,25 п.л.).

24. Каширина М.В Современный вуз: факторы генезиса фальсеоинтеракций / М.В. Каширина // Наука и образование: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25-26 июня 2014 г. Анталия – Тамбов: Kutlu&Avci Ofset – Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. – С. 56-63. (0,25 п.л.).

25. Каширина, М.В. Ложь как предмет социологии морали / М.В. Каширина // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2014. – №4. – Ч. 5. – С. 53-54. (0,2 п.л.).